Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации

А.С. Кузьмин, Н.Дж. Мелвин, В.Д. Нечаев

Кузьмин Алексей Сергеевич, доктор философских наук, зам. директора Международного института гуманитарно-политических исследований;

Мелвин Нил Дж., доцент Лидского университета (Великобритания);

Нечаев Владимир Дмитриевич, кандидат политических наук, доцент кафедры экономики Курского государственного педагогического университета.

Проблема демократизации России, как правило, рассматривается в литературе через призму политических процессов, происходящих на общенациональном уровне. В то же время появление в конце 1980-х годов 89 субъектов РФ как отдельных политических акторов обуславливает важность нового — субнационального, регионального — подхода к данной проблеме. Такой подход, по нашему убеждению, может быть весьма плодотворным для выяснения природы и источников демократизации в посткоммунистических государствах.

В предлагаемой статье выявляются особенности региональных политических режимов в России, описывается применяемая авторами методика оценки природы указанных режимов, на ее основе идентифицируются их типы, а также анализируются динамика режимов, связи между типом режима и иными характеристиками политического развития региона [1](#).

Федерализм и демократизация

Ряд современных авторов считает, что институт федерализма важен для консолидации демократии [см., напр. Diamond 1999: 151-154], другие придерживаются в этом вопросе более нейтральной позиции [Stepan 1999]. Но значимость регионального измерения для политического будущего стран, подобных России, признает большинство исследователей. О тесной взаимосвязи между демократизацией и федеративным устройством свидетельствует и осуществляемая в России с 2000 г. реформа федеративных отношений. Многие ее комментаторы обоснованно отмечают, что наряду с “олигархами” (и, шире, деловыми лидерами) региональные элиты представляли (и в какой-то мере представляют до сих пор) главные альтернативные по отношению к Президенту центры власти в России.

В последние годы изучение отношений между Центром и регионами РФ стало напоминать быстро развивающуюся хозяйственную отрасль — такое количество докладов, конференций и публикаций посвящено этой теме. Долгое время дебаты концентрировались вокруг вопроса о взаимосвязи между структурой Федерации, политической стабильностью и демократизацией. Некоторые исследователи, опиравшиеся на известную работу У.Райкера [Riker 1964], видели источник неустойчивости Российской Федерации в ее асимметричной структуре [Solnic 1996] и утверждали, что такая структура стимулировала “торг” регионов с Центром по поводу своих прав и полномочий, а это, в свою очередь, вело к дестабилизации и дальнейшему усилению асимметрии. Данный тезис, однако, оспаривался двумя группами ученых: теми, кто утверждал, что РФ сохранилась именно благодаря своему асимметричному характеру, ибо указанный “торг” наилучшим образом обеспечивал баланс сил и интересов в условиях этнической разнородности страны, и теми, кто говорил о значимой роли асимметрии в других современных федеративных системах [см. Hughes 1997; Stepan 1999].

В центре внимания ряда исследователей оказалось соотношение между территориальным распределением власти и экономическим развитием, в частности вопрос о том, как те или иные формы федерализма сказываются на состоянии экономики [см., напр. Slider 1997; Tresiman 1999]. Вместе с тем значительную часть ученых занимают более общие вопросы, такие как природа федерализма в России и взаимодействие между Центром и регионами; в некоторых работах проанализирована политическая ситуация на уровне субъектов РФ. Появились и сравнительные исследования региональных политических систем, хотя малый

объем выборки нередко делает обобщения авторов таких исследований сомнительными [Stoner-Weiss 1997]. Тем не менее эти работы позволяют предположить, что помимо отношений по линии “Центр — регионы” и структуры Федерации на процесс демократизации оказывают влияние и факторы, связанные с трансформацией региональных политических режимов.

Возникновение в России в течение одного десятилетия множества региональных политических режимов [2](#) удивительно. Ведь одной из отличительных черт советского строя было как раз единообразие политических структур, действовавших в рамках различных административно-территориальных единиц. Подобная “стандартизация” была присуща и РСФСР, где, несмотря на федеральное устройство, все области (республики, края) управлялись практически идентичными партийными и государственными органами. Поэтому появление разных региональных политических режимов свидетельствует не только о важной роли регионов России в общенациональном процессе демократизации, но и о том, что характер и источники регионального политического развития могут существенно варьировать.

Определение форм политического развития регионов России — задача сложная как в практическом, так и в теоретическом плане. Одна из главных трудностей — выбор адекватной концепции “демократии” и, соответственно, “демократизации”. Работ по данной проблематике немало, однако отсутствует теоретический консенсус относительно применимости в эмпирических исследованиях различных трактовок и концепций демократии.

С точки зрения сторонников так наз. “минималистской” концепции, страны (или региональные политические системы) могут быть либо демократическими, либо недемократическими [см. Alvarez et al 1996: 21]. Другие политологи приводят доводы в пользу “градуированных” подходов, утверждая, что “демократия — это всегда вопрос степени” [Bollen, Jackman 1989: 612, 618; Гельман и др. 2000]. Так, С.Хантингтон, который в работе о “третьей волне” трактовал демократию как дихотомию [Huntington 1991: 12], позднее пришел к заключению, что, поскольку формальные демократические учреждения принимаются все более разнообразными обществами, сама демократия становится более дифференцированной. Отмечая необходимость конструирования континуума “демократический — недемократический”, ученый указывал, что значительное число стран окажется где-то в центре такого континуума. Аналогичные выводы делает и Л.Даймонд, который полагает, что анализ сдвига к формальной электоральной демократии будет “плодотворнее, если рассматривать демократию как спектр с широким рангом вариаций и форм”. В своем недавнем исследовании Даймонд показал, что за период между 1990 и 1997 г. число стран с “промежуточными” формами демократии в мире удвоилось [Diamond 1999: 27-28].

Чтобы использовать преимущества обоих подходов, Д.Коллиер и Р.Адкок попытались наметить “средний путь”, включающий как минималистские [3](#), так и градуированные оценки, к которым предлагалось прибегать в зависимости от конкретного объекта анализа [Collier, Adcock 1999]. Именно от этой модели мы и отталкивались в данной статье. Вместе с тем, поскольку градуированный подход представлялся нам более адекватным поставленной в ней исследовательской задаче, для идентификации типов (паттернов) политического развития российских регионов применялся ряд эмпирически фиксируемых шкал.

Принципы типологизации региональных режимов

При определении характера и источников демократизации на региональном уровне мы использовали метод, восходящий к предложенной Р.Далем концепции полиархии [Dahl 1971, 1989; см. также Coppedge, Reinicke 1990], в которой фокусируется внимание на политической конкуренции между правительством и оппозицией. В качестве инструмента анализа ученый использует гипотетический континуум имеющихся у оппозиции возможностей состязаться с правительством. Концепт полиархии включает два существенных измерения: возможности оппозиции (проявляющиеся в организованном соревновании посредством регулярных, свободных и справедливых выборов) и возможности политического участия (выражающиеся через активное и пассивное избирательное право взрослого населения). Представленные ниже регионы России были классифицированы в соответствии со схемой, учитывающей и процедурные (конкурентность), и субстанциональные (институты) политические практики. Возникшая в результате типология позволяет создать индикаторы для оценки степени “полиархичности” режима, сложившегося в регионе.

Выборка включает в себя 31 российский регион, которые выделены исходя из их социально-экономической структуры [4](#). Эмпирический материал для оценки паттернов и динамики политического развития регионов был собран в соответствии с тремя ключевыми элементами полиархии: формально-правовым

распределением власти, институтами конкурентных выборов и степенью политического участия партий в региональных органах власти. Простая двоичная схема классификации применялась таким образом, чтобы обеспечить законченное в пределах заявленной типологии описание политического режима в каждом из регионов.

В качестве допущения было принято, что при советской системе (т.е. до середины 1980-х) региональные политические режимы являлись одинаковыми по институциональному дизайну и ресурсам. Значит, типы данных режимов зависят от того, как местные институты изменялись в ответ на политические инновации, имевшие место в позднесоветский и ранний постсоветский периоды. После этого начального инновационного импульса (также, по сути, схожего для всех регионов) дальнейшее развитие на региональном уровне отражало прежде всего внутрорегиональную политическую динамику. Хронологические рамки нашего исследования: с декабря 1993 г. (принятие Конституции РФ) и до второго цикла региональных выборов, включавшего избрание главы исполнительной власти и региональной легислатуры (окончание анализируемого периода — 2000 г., с незначительными отклонениями для разных регионов).

Формально-правовое разделение властей. Ключевой индикатор политического развития каждого региона в означенный период — формальное разделение полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти. Эти “правила игры” были зафиксированы в конституциях республик и в уставах краев, областей, городов федерального значения в 1993 — 1994 гг., после вступления в силу новой Конституции РФ. Сравнительный политико-правовой анализ основных законов субъектов Федерации, принятых (или существенно измененных) в 1993 — 1997 гг., выявляет серьезные различия в формальной организации власти в регионах [5](#).

Конституции и уставы стали тем фундаментом, на котором выстраивались другие региональные политические институты. В целом указанные акты создали базу для распределения полномочий между законодательной и исполнительной властью региона. Чтобы оценить характер разделения власти, степень автономии/зависимости легислатуры от администрации, нами использовалась методика, разработанная М.Шугартом и Дж.Кэри для анализа форм правления на общегосударственном уровне и адаптированная применительно к анализу субнациональных государственно-территориальных единиц [см. Shugart, Carey 1992].

Конституция/устав каждого региона из выборки были проанализированы с применением шкалы полномочий легислатуры, которая обеспечивает учет различных аспектов взаимодействия законодательной и исполнительной власти региона (участие в формировании другой ветви власти, возможности инициирования досрочного прекращения ее полномочий, применения права вето и др.). В итоге региональные политические системы были ранжированы по этому критерию и разделены на две большие группы. Регионы с легислатурой, получившей менее 10 пунктов по названной шкале, мы относили к субъектам со “слабыми” легислатурами (они обозначались цифрой “1”), а регионы с рейтингом свыше 10 пунктов — к субъектам с “сильными” легислатурами (обозначались цифрой “2”).

Конкурентность выборов. Второй индикатор “полиархичности” региона — степень конкурентности при выборах главы исполнительной власти. После передачи федеральным центром обширных полномочий на региональный уровень указанный пост приобрел ключевое значение. Следовательно, по тому, насколько конкурентными были выборы его обладателя, можно судить о характере распределения властных ресурсов между различными региональными группами. При оценке конкурентности выборов использовался метод, предложенный Р.Таагеперой и М.Шугартом (расчет количества эффективных партий или кандидатов на выборах) [6](#). После проведения таких расчетов регионы с низкими уровнями конкуренции на выборах главы исполнительной власти были обозначены в типологии цифрой “1”, а регионы с высоким уровнем конкуренции за этот пост — цифрой “2”.

Уровень партийности регионального законодательного органа. Уровень развития партий в регионах является, вероятно, одним из наиболее важных индикаторов типа политического режима. Партийность регионального законодательного органа оценивалась как отношение числа партийных (состоящих в партиях или официально выдвинутых ими) депутатов в законодательном органе к общему числу мест в легислатуре, а также исходя из количества эффективных партий в региональном парламенте. Если доля партийных депутатов в парламенте не превышала 50%, региону присваивался индекс “1” (беспартийный законодательный орган); если больше 50% депутатов были связаны с одной партией или устойчивым блоком

партий, — “2 (I)” (однопартийный парламент); если свыше 50% депутатов могли считаться партийными, но представляли при этом разные (конкурирующие между собой) партии или блоки, — “2 (II)” (многопартийный законодательный орган).

На основе комбинации этих трех элементов (сила легислатуры, конкурентность выборов главы исполнительной власти и партийность легислатуры) были выявлены восемь потенциальных типов регионов, причем регионы с высокой партийностью легислатур, в свою очередь, распадались на два подтипа — однопартийные и многопартийные. Итого, с учетом подтипов по критерию партийности, было обнаружено 12 возможных разновидностей региональных режимов (см. табл. 1).

Таблица 1

Типология потенциальных типов региональных политических режимов в РФ

Сила легислатуры	Конкурентность выборов главы исполнительной власти	Уровень партийности и число эффективных партий в легислатуре
1	1	1
1	1	2 (I)
1	1	2 (II)
1	2	1
1	2	2 (I)
1	2	2 (II)
2	1	1
2	1	2 (I)
2	1	2 (II)
2	2	1
2	2	2 (I)
2	2	2 (II)

Важно отметить, что эти индексы типов региональных режимов по сути статичны. Они отражают корреляцию характеристик распределения власти и возможностей организованного политического участия на протяжении ограниченного отрезка времени. Для того чтобы оценить политическую динамику каждого из региональных режимов, необходимо провести ряд последовательных выборок информации, т.е. вывести значение указанных характеристик для более продолжительного периода. В рамках данного исследования удалось собрать информацию только для двух политических циклов: с 1993 по 1996 гг., когда были приняты или существенно изменены уставы и конституции регионов, а также прошли первые региональные парламентские и губернаторские выборы, и с 1996 по 2000 гг., когда в большинстве регионов состоялись выборы вторых составов легислатур и вторые выборы главы исполнительной власти. Тем не менее даже анализ названных двух циклов позволяет определить направление политической динамики для большинства изученных регионов.

Типы региональных режимов

Региональные режимы первого цикла

Описанный выше метод типологизации региональных политических режимов, как уже говорилось, позволил выделить 12 их потенциальных типов и подтипов, но в результате эмпирического исследования характеристик регионов, попавших в выборку, удалось выявить только восемь разновидностей региональных политических режимов, сформировавшихся в первом политическом цикле (см. табл. 2).

Таблица 2

Средние значения политических характеристик для различных типов режимов в рамках первого цикла

Тип режима	Сила легислатуры	Количество эффективных кандидатов на выборах главы исполнительной власти	Партийность первой легислатуры (в %)
I	9,35	1,82	19,5%
II	6,7	2,5	9,6%
III (I)	6,1	1,8	66,2%
III (II)	7,5	2,5	66,5%
IV	14,2	1,8	14,6%
V	11,2	2,9*	18,6%
VI (I)	12,5	3,7	53,3%
VI (II) (Челябинск)	14,25	2,83	80%

* Средняя цифра вычислена без учета Карачаево-Черкесии и Удмуртии, где выборы главы исполнительной власти не носили прямого характера.

Тип I — 111. Данный тип режима, зафиксированный в двух дальневосточных регионах из нашей выборки (в Хабаровском и Приморском краях), отличается относительно слабой легислатурой (ниже 10 пунктов по шкале силы), сильным лидером, которому не было серьезной альтернативы на выборах (меньше двух эффективных кандидатов) и сравнительно низкой долей партийных депутатов в региональной легислатуре (менее 40%).

Тип II — 121. Этот тип режима в рамках первого политического цикла был отмечен в Астраханской, Ивановской, Костромской, Курской, Новгородской, Омской и Ростовской областях. Здесь оказались слабые легислатуры с низким, а иногда — и нулевым уровнем партийности, но на выборах глав исполнительной власти наблюдалась довольно высокая конкуренция между кандидатами (больше двух эффективных кандидатов).

Тип III — 122. Указанный тип режима имеет два подтипа. Для Краснодарского края и Владимирской области — 122 (I) — в первом политическом цикле были характерны слабая легислатура с высокой долей депутатов, принадлежавших к одной партии или партийной коалиции (к КПРФ или партии, организованной губернатором) и умеренная конкуренция за пост главы исполнительной власти. Ко второму подтипу — 122 (II) — относились Самарская и Томская области, где большинство в парламентах составляли партийные депутаты, представлявшие разные партии или партийные коалиции (помимо КПРФ здесь была некая региональная партия).

Тип IV — 211. Данная группа регионов, в которую в первом цикле входили республики Карелия, Коми, Татарстан и Саха (Якутия), примечательна наличием сильной по конституционным полномочиям легислатуры. Региональный парламент формально обладает широкими полномочиями, вместе с тем незначительный уровень конкуренции при выборах главы исполнительной власти свидетельствует о неформальном политическом доминировании исполнительной власти. Регионам такого типа присущ относительно невысокий уровень партийности легислатур.

Тип V — 221. При этом типе режима, действовавшем в ходе первого цикла в Карачаево-Черкесии, Удмуртии, а также в Белгородской, Воронежской, Курганской, Мурманской, Орловской, Псковской и Смоленской областях, парламент наделен значительными формальными полномочиями, а выборы губернатора проходят в жестко конкурентных условиях. В такой ситуации сила легислатуры часто оказывается высокой не только формально, но и реально. Чтобы удерживать свои позиции, главам исполнительной власти приходится полагаться на внутриэлитные соглашения, однако такие соглашения неустойчивы и часто нарушаются в ходе выборов.

Тип VI — 222. Последняя группа состоит из двух подтипов. Республику Адыгею, Амурскую и Кемеровскую области мы определили как подтип 222 (I), который отличается не только формально сильными полномочиями легислатуры, значимой конкуренцией на выборах главы исполнительной власти, но и высокой долей депутатов, принадлежащих к одной партии или коалиции партий (обычно КПРФ), в региональном парламенте. Другой подтип — 222 (II) — был представлен в первом цикле только одним регионом — Челябинской областью, где большинство в региональном парламенте составляли партийные депутаты, входившие в разные партии или коалиции.

Динамика региональных режимов

В целях выявления динамики региональных режимов описанная выше процедура была повторена для тех же субъектов РФ во втором электоральном цикле (1996 — 2000 гг.) [7](#). В результате были обнаружены два новых типа режимов (см. табл. 3).

Тип VII — 112 (I). Во втором цикле Краснодарский край переместился из типа 122 (I) в тип 112 (I), который характеризуется неформальным доминированием “первого лица”. Губернатор, не пользовавшийся высокой поддержкой со стороны региональной элиты (Егоров), был замещен харизматическим лидером (Кондратенко), партия которого преобладала в региональном парламенте. Формальная слабость legislatures при этом сочеталась с широтой полномочий главы исполнительной власти, а губернаторская партия (“Отечество”) контролировала большинство мест в региональном законодательном органе.

Тип VIII — 212 (I). Другой тип режима, появившийся во втором цикле развития, тоже представлен единственным регионом — Кемеровской областью. Она переместилась из типа 222 (I) в тип 212 (I) с формально сильным законодательным органом, низким уровнем конкуренции при выборах главы исполнительной власти (абсолютное преобладание одного из кандидатов) и высокой долей депутатов от одной партии в законодательном органе. Как и в предыдущем случае, изменение типа было обусловлено переходом от фазы внутриэлитного соревнования к доминированию харизматического лидера (Тулеев), ставшего главой исполнительной власти после того, как ориентирующаяся на него партия обеспечила себе абсолютное большинство в региональном парламенте. За исключением формальной силы legislatures (которую не следует принимать в расчет, поскольку ее деятельность контролировалась губернатором через партию власти), типы 112 (I) и 212 (I) очень близки и могут рассматриваться в качестве двух разновидностей одного типа режима, отличительными чертами которого выступают доминирование харизматического главы исполнительной власти и существование механизмов партийного контроля исполнительной власти над законодательной (см. табл. 3).

Кластеры регионов, идентифицированные выше, дают основания говорить о наличии паттернов развития в РФ региональных политических режимов. Кроме того, выявленные типы режимов позволяют создать шкалу для определения степени “полиархичности” отдельных регионов. С нашей точки зрения, наиболее “полиархичны” регионы с режимом 222 (II); за ними следуют регионы с режимом 221. Регионы типа 222 (I) могут занять на указанной шкале высокую позицию, если доминирующая в законодательном органе партия не является местной “партией власти”. Дальше всего от полиархии режимы 111 и 112 (I), а также 211, так как в его рамках реальная власть, несмотря на широкие формальные полномочия legislatures, фактически сосредоточена в руках главы исполнительной власти, вокруг которого консолидируется региональная элита. Промежуточное положение занимают типы 121 и 122.

Таблица 3

Динамика региональных политических режимов

	Регионы со слабой законодательной						Регионы с сильной законодательной					
	111	112 (I)	112 (II)	121	122 (I)	122 (II)	211	212 (I)	212 (II)	221	222 (I)	222 (II)
I фаза (с 1994 г. по выборам 2003 г.) наименование региона (для однопартийного режима и выборам 2003 г.) наименование региона	Приморский край			Алтайский, Иркутский, Костромской, Кузнецкий, Новгородский, Свердловский, Ростовский область	Краснодарский край	Самарская, Тюменская область	Карелия, Коми, Татарстан, Тува, Якутия			Карачаево - Черкесия, Удмуртия, Башкирия, Бурятия, Мурманская, Орловская, Псковская, Смоленская область	Адыгея, Алтайский край	Челябинская область
II фаза (с 2003 г. по выборам 2007 г.) наименование региона (для однопартийного режима и выборам 2007 г.) наименование региона	Хабаровский край	Красно - дарский край		Брянский, Иркутский, Костромской, Кузнецкий, Свердловский, Ростовский, Самарский область		Коми, Татарстан, Тува, Орловская, Мурманская область	Башкирия область		Карачаево - Черкесия, Якутия, Башкирия, Бурятия, Псковская, Смоленская, Челябинская область	Адыгея, Алтайский край	Карелия, Удмуртия	

На этой стадии анализа трудно с уверенностью соотнести изученные регионы с определенными моделями демократизации, т.е. представленные в табл. 3 данные не могут рассматриваться как окончательная идентификация паттернов регионального политического развития РФ. На это есть по крайней мере три причины. Во-первых, формальный характер материалов, использованных в исследовании, не отражает всей сложности региональных реалий. Во-вторых, вследствие ограниченного числа пройденных циклов динамика политического развития на региональном уровне еще не устоялась, и с течением времени регионы способны изменить свое положение в предложенной матрице [8](#). В-третьих, на политическое развитие российских регионов все более сильное влияние оказывают импульсы из Центра. Президент РФ и федеральные органы власти добиваются от регионов приведения их законодательства в соответствие с общероссийским, содействуя тем самым унификации институциональных основ региональных режимов, и все активнее вмешиваются в избирательный процесс на местах. “Внешнее” воздействие может существенным образом повлиять на динамику рассматриваемых режимов в будущем, как помогая, так и препятствуя укоренению в них элементов полиархии [9](#).

Политическое развитие и региональные режимы

Комплекс полученных данных относительно типов режимов и их динамики дает возможность — при отмеченных ограничениях — исследовать некоторые ключевые вопросы демократизации на региональном уровне.

Конституционный статус региона и тип его политического режима

Существует мнение, что обширные полномочия руководителей республик РФ являются основным источником неустойчивости федеративной структуры. Большинство республик из нашей выборки в первом политическом цикле образовывали отдельную группу, характеризовавшуюся низким уровнем конкуренции за пост главы исполнительной власти. Однако в трех республиках (Адыгея, Карачаево-Черкесия и Удмуртия) выборы были конкурентными. В дальнейшем в состав второй группы вошли Якутия и Карелия. Таким образом, устойчивой корреляции между конституционным статусом республики и неформальным доминированием в ней главы исполнительной власти не обнаруживается. Обращает на себя внимание и то, что все без исключения республики пришли к конституционному устройству с сильной легислатурой.

Напротив, края, включенные в нашу выборку (Краснодарский, Приморский и Хабаровский), предпочли вариант слабой легислатуры. Кроме того, во втором политическом цикле все они демонстрировали низкий уровень конкуренции на выборах главы исполнительной власти. Поэтому тезис о том, что “республики бросают вызов процессу демократизации в России”, довольно сомнителен. Политические режимы краев, а не республик устойчиво получали в нашем исследовании наименьшие баллы по шкале полиархии.

В отличие от тех и других, области продемонстрировали высокую степень диверсификации режимных типов. Из 20 рассмотренных областей в 10 сложились режимы со слабой легислатурой, а в оставшихся 10 — с сильной. Таким образом, статус области никак не повлиял на выбор типа режима.

Устойчивость типа

Под устойчивостью типа понимается сохранение региональной политической системой формы реакции на инновации при смене электоральной фазы (очередные выборы главы исполнительной власти и выборы в законодательное собрание). Наиболее неустойчивыми оказались режимы 122 (I), 122 (II) и 222 (II). После смены фаз первые два исчезли, а внутри третьего типа произошла “рокировка”: Челябинская область покинула его, а Карелия и Удмуртия, напротив, вошли. Наибольшую устойчивость продемонстрировали режимы типа 121 (в его рамках остались пять из семи регионов) и 221 (семь из девяти). Следует отметить, что это самые распространенные модели. Сложно говорить об устойчивости типов 111 и 211. В первом случае после смены фаз от прежнего типа отпал один из двух регионов (Приморский край) и присоединились Новгородская, Томская и на некоторое время Курская области. Вместе с тем, хотя в Приморском крае во время вторых губернаторских выборов уровень конкурентности превысил два балла, разница между этим показателем на первых (1,98) и вторых (2,16) выборах весьма незначительна. Таким образом, уровень конкурентности в Приморском крае за четыре года не очень изменился, что тоже свидетельствует в пользу устойчивости режима 111. Что же касается режима 211, то принадлежность к нему сохранили три из пяти регионов (хотя в Якутии действующий президент лидировал на выборах).

Динамика партийности

Рассмотрим отношение между типом режима в первой фазе и динамикой партийности между двумя фазами.

Тип 111. Уровень партийности легислатуры практически не изменился — в Приморье он поднялся с 3% до 5%, а в Хабаровском крае — опустился с 36% до 35%.

Тип 121. В четырех случаях из семи показатель партийности заметно вырос, хотя это не привело к смене типа по третьему критерию (т.е. партийность не превысила 50%), в двух — остался прежним, в одном — уменьшился. При этом в пяти регионах во второй легислатуре образовалась приблизительно равная доля партийных депутатов — от 20 до 33% (в четырех случаях — от 28 до 33%).

Тип 121 (I). В одном регионе (Краснодарский край) “партизация” депутатов усилилась — с 80 до 92%, в другом (Владимирская область) сократилась — с 52 до 27%.

Тип 122 (II). В обоих случаях имело место резкое снижение партийности между фазами, что привело к смене типа 122 (II) на тип 121.

Тип 211. В двух из пяти регионов выборы вторых легислатур не проходили. В трех других наблюдались противоречивые тенденции в динамике партийности: в Коми и Якутии партийность осталась на очень низком уровне (не более 10%), в Карелии — значительно возросла.

Тип 221. В пяти из девяти случаев наблюдался заметный рост партийности легислатур, хотя это привело к смене типа только в Удмуртии (в Белгородской и Смоленской областях данный показатель приблизился к 40%), в трех ее уровень остался прежним, в одном (Карачаево-Черкесия) выборы второго состава легислатуры не проводились.

Тип 222 (I). В двух случаях из трех уровень партийности практически не изменился, в одном (Адыгея) после 1994 г. легислатура не переизбиралась.

Тип 222 (II). Уровень партийности легислатуры снизился.

Сменяемость власти

Попытаемся теперь оценить сменяемость власти в рамках каждого типа в динамике.

Тип 111. Главы исполнительной власти сохранили свои посты.

Тип 121. В пяти из семи регионов главы исполнительной власти были переизбраны на новый срок.

Тип 122 (I). Главы исполнительной власти проиграли вторые выборы.

Тип 122 (II). В ходе вторых выборов главы исполнительной власти подтвердили свои полномочия.

Тип 211. В четырех регионах из пяти главы исполнительной власти удержались на своих постах.

Тип 221. В семи из девяти случаев главы исполнительной власти были смещены.

Тип 222 (I). В двух случаях из трех произошла смена глав исполнительной власти.

Тип 222 (II). В Челябинской области был избран другой глава исполнительной власти.

Заключение

Несмотря на огромный интерес отечественных и зарубежных авторов к проблемам российского федерализма, паттерны регионального политического развития пока остаются слабо изученными. Дефицит систематических исследований в этой области в какой-то степени обусловлен трудностями их проведения, связанными прежде всего со сбором первичных и нехваткой структурированных вторичных данных, а также с неразвитостью методологии сравнительных политических исследований на региональном уровне. Представляется, что метод первичной типологизации паттернов политического развития российских регионов, предложенный в данной статье, в какой-то степени пополнит научный инструментарий.

Наше исследование носит предварительный характер, но в ходе него получены интересные результаты. Анализ региональных режимов в России продемонстрировал широкое разнообразие институциональных форм и, что не менее важно, наличие разнородных и часто противоречащих друг другу “троп” политического развития. Быстрая “плюрализация” региональных режимов говорит о том, что процессы политических изменений в России еще более сложны, чем думалось совсем недавно.

Хотя наша работа охватывает всего два электоральных цикла, она позволяет сделать вывод об относительно высокой устойчивости региональных политических режимов. Действительно, в 20 случаях из 31 главные черты режима сохранились при смене фаз, т.е. в разных электоральных циклах. Это дает основание предположить, что к середине 1990-х годов контуры политической жизни регионов России уже оформились. Дополнительным подтверждением тому служит устойчивость характеристик, не включенных в основания типологизации, например, ротации глав исполнительной власти.

Более глубокий анализ формально-институциональных основ региональных режимов тоже приводит к неординарным заключениям. Примечательно, что все республики РФ выбрали вариант конституции с сильной легислатурой. Объясняется это, по-видимому, тем, что в большинстве случаев при подготовке новой конституции они отталкивались от “старой”, советской, и лишь ее модифицировали. Другими словами, республики проявили склонность к инкрементному типу развития формальных институтов, что, на наш взгляд, может быть связано с высоким уровнем региональной идентичности в республиканских сообществах. Все они, начиная с 1989 — 1990 гг., стали строить свою государственность самостоятельно, и потому переворот 1993 г. не оказал на них такого влияния, как на другие типы регионов.

Напротив, в краях произошел резкий разрыв с советским институциональным дизайном. Везде были приняты уставы, предусматривающие слабые позиции законодательных органов и сильные — губернаторов. Во всех краях установились режимы с неформальным доминированием избранных глав исполнительной власти. Иначе говоря, возникла еще более централизованная модель власти, чем на уровне РФ. Найти удовлетворительное объяснение такой институциональной специфики краев нам не удалось. Одна из гипотез — воздействие особенностей самоидентификации их населения, которые, в свою очередь, могут зависеть от геополитического положения краев (“бастионы России”). Централизацию в данном случае следовало бы понимать как способ мобилизации региональной общности в условиях пограничного положения и связанных с ним проблем (плохие коммуникации, наличие внешних границ, миграционный наплыв представителей иных этнических групп и т.д.). Высокий уровень краевой самоидентификации может породить эффект харизматического лидера (персонификация группы в лидере). Однако подобные объяснения нуждаются в дополнительных подтверждениях.

В областях РФ были приняты уставы, допускающие наличие как слабой, так и сильной легислатур, но в большинстве регионов глава исполнительной власти не являлся единственным лидером. Если это происходило (например, в Курской и Кемеровской областях), то в исключительных случаях, и было связано с персональными характеристиками “первых лиц” (политики федерального уровня), которым удалось на короткое (как в Курской области) или на продолжительное время (как в Кемеровской) создать коалиции, способные консолидировать ранее разделенные региональные элиты. Эти коалиции и стали основой для установления сильной, персонифицированной власти губернатора.

Показательно, что в регионах со слабыми легислатурами сменились лишь 4 из 13 глав исполнительной власти, тогда как в регионах с легислатурой сильной — 11 из 18. При этом, если исключить тип 211 как особый случай, в 10 из 13 регионов отмечается демократическая смена власти.

Очевидно, что сила легислатуры — одна из предпосылок ее “партийности”. В регионах со слабой легислатурой лишь в одном случае из четырех удалось сохранить высокий уровень партийности легислатур при смене фаз, в то время как в регионах с сильной легислатурой — в четырех из пяти (причем место Челябинской области в данной группе “заняли” Карелия и Удмуртия, где легислатуры тоже были сильны).

Несмотря на свой предварительный характер, проведенное исследование позволяет сделать и некоторые выводы относительно значимости субнационального уровня в развитии в России процессов демократизации. Речь идет, в частности, о более полном освещении той роли, которую сыграли в этих процессах республики. В свое время именно республики бросили вызов национальному единству России, однако их отношение к демократизации неоднозначно. Если в одних республиках во второй половине 1990-х годов появились отчетливые тенденции к формированию авторитарных режимов, то для других, напротив, был характерен высокий уровень полиархии. Если и есть какая-то зависимость между конституционным статусом региона и развитием в нем процессов демократизации в 1990-е годы, то ее можно выявить на примере не республик, а краев. В последних в конечном итоге установились моноцентричные низкоконкурентные (т.е. по сути близкие к авторитарным) политические режимы. Анализ выборки регионов показал также, что наиболее важный индикатор развития полиархии — формальная сила региональной легислатуры.

Сформулированные здесь выводы не претендуют, разумеется, на то, чтобы стать последовательной теорией дивергенции региональных политических режимов в России. Скорее это набор гипотез, выдвинутых на основе эмпирического изучения регионов и систематизации полученных данных.

Остановимся на некоторых методологических аспектах нашей работы. В исследованиях по сравнительной политологии ключевой, как известно, является задача обеспечения репрезентативности выборки сопоставляемых объектов. Один из путей ее решения, на наш взгляд, — проведение типологических (классификационных) исследований, подобных представленному выше, т.е. исследований, базирующихся на относительно простой модели, которая “стыкуется” с дальнейшим теоретическим анализом. Для такого анализа могут применяться и “бинарно-классификационный”, и другие классификационные методы. Более того, с целью проверки адекватности как используемых для типологии теоретических представлений, так и самих классификационных процедур эти методы целесообразно сочетать. Также допустимо сокращать объем выборки примерно до трети объема генеральной совокупности. Однако при этом необходима верификация типологии путем включения в выборочную совокупность “дополнительных случаев” и, что еще важнее, рассмотрения согласующихся с общим “духом” теоретической модели, но изъятых из нее на этапе классификации содержательных индикаторов и индикативных направлений. Если дополнительные случаи органично вписываются в построенную типологию, а привлечение добавочных индикаторов не нарушает ее самосогласованности, есть основания говорить о том, что данная классификация является строгой, иначе говоря, отражает реально различающиеся случаи, а любой не вошедший в начальную выборку случай по содержательному признаку может быть отнесен к тому или иному типу.

На втором этапе следует провести углубленное сравнительное исследование относительно небольшого числа случаев, представляющих каждый из выделенных на первом этапе типов, причем в пределах типа выбрать как минимум два случая по критерию наибольшего сходства и по критерию наибольших различий. При этом к объяснению допускаются только те теоретические модели, которые обобщают базовую модель, ибо нет никаких гарантий, что в рамках принципиально иного теоретического подхода будут соблюдены критерии максимального сходства и максимального различия. Подобное сужение поля возможных теоретических моделей, тем не менее, не кажется нам критическим: простота и содержательная “бедность” используемых на этапе типологизации теоретических моделей означает высокую степень их абстрактности.

Благодаря этому открывается широкое поле для возможных конкретизаций (углублений) и сохраняется возможность верификации и/или фальсификации самых разных теоретических моделей на этапе углубленного анализа.

Таким образом, оптимальной, на наш взгляд, будет следующая “трехэтапная” стратегия сравнительного исследования, в т.ч. регионального:

1. На основе относительно простой, но допускающей уточнения теоретической модели проводится классификация случаев (вырабатывается предварительная типология), верифицируемая случайным пополнением исходной исследуемой совокупности и/или совокупности индикаторов и гипотез.
2. Проводится углубленное сравнительное исследование небольшого числа случаев, отнесенных на первом этапе как к разным, так и к одному типу (при этом внутри типа применяется критерий наибольшего сходства, а между типами — наибольшего различия).
3. К выборочной совокупности, выделенной на предыдущем этапе, добавляются несколько случаев, не включавшихся ранее в анализ, а затем верифицируются результаты, полученные на втором этапе.

Голосов Г.В. 1997. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов. — Полис, № 5.

Гельман В., Рыженков С., Бри М. (ред.) 2000. Россия регионов: трансформация политических режимов. М.

Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F., Przeworski P. 1996. Classifying Political Regimes. — Studies in Comparative International Development, № 31.

Bollen, Jackman. 1989. Democracy, Stability and Dichotomies. — American Sociological Review, № 54.

Collier D., Adcock R. 1999. Democracy and Dichotomies: A Pragmatic Approach to Choices about Concepts. — Annual Review of Political Science, № 2.

Coppedge M., Reinicke W.H. 1990. Measuring Polyarchy. — Studies of Comparative International Development, № 25.

Dahl R.A. 1971. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven.

Dahl R.A. 1989. Democracy and Its Critics. New Haven.

Diamond L. 1999. Developing Democracy: Toward Consolidation. Baltimore.

Gelman V. 1999. Regime Transition, Uncertainty Studies and Prospects for Democratization: The Politics of Russia's Regions in a Comparative Perspective. — Europe-Asia Studies, vol. 51, № 6.

Hughes J. 1997. Maintaining the Union: Bilateral Treaties and Asymmetric Federalization in Russia? — PSA Conference (April).

Huntington S.P. 1991. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman.

Petro N.N. (forthcoming). Creating Social in Russia: The Novgorod Model. — World Development.

Riker W.H. 1964. Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston.

Shugart M.S., Carey J.M. 1992. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge.

Slider D. 1997. Russia's Market Distorting Federalism. — Post-Soviet Geography and Economics. Vol. 38, № 8.

Solnick S.L. 1996. The Political of Russian Federalism. A Framework for Analysis. — Problems of Post-Communism. Vol. 42, № 8.

Stepan A. 1999. Russian Federalism in Comparative Perspective: Problems of Power Creation and Power Deflation. — AAASS, November.

Stoner-Weiss K. 1997. Local Heroes: The Political Economy of Russian Regional Governance. Princeton.

Tresiman D. 1999. After the Deluge: the Politics of Regional Crisis in Post-Soviet Russia. Cambridge.

---

1 Это исследование стало возможным благодаря гранту, предоставленному Фондом “Leverhulme Trust”.

2 В данной статье под политическим режимом понимается совокупность политических акторов, обладающих некими ресурсами и реализующих те или иные стратегии, и институтов (норм, правил игры). Впервые такое толкование политического режима (применительно к российским регионам) дано в работах В.Гельмана, С.Рыженкова и М.Бри [см. Гельман и др. 2000; Gelman 1999]. Тип регионального режима определяется, таким образом, не всеми составляющими региональной политической системы, а лишь некоторыми ее ключевыми элементами.

3 Напомним, что в соответствии с минималистским подходом государство рассматривается как единая целостность, обладающая некими характеристиками; при этом постулируется наличие четких границ, отделяющих “демократические” государства от “недемократических”.

4 Индекс “модернизации” был сконструирован для всех регионов России на основании данных об их социально-экономическом положении к концу 1980-х годов. Регионы для исследования отбирались так, чтобы репрезентировать все их группы. Выборка по “стартовому” социально-экономическому уровню должна была исключить потенциальные искажения в типологии паттернов политического развития.

5 В настоящее время в связи с принятием закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации” и осуществляемой Центром политикой по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным дифференциация форм правления на региональном уровне заметно снизилась.

6 Применительно к анализу региональных выборов в России этот метод был впервые использован Г.Голосовым [см. Голосов 1997].

7 Во время подготовки статьи были доступны не все данные по итогам выборов в региональные legislatures, поэтому выводы относительно характеристик тех или иных регионов во второй фазе могут быть впоследствии уточнены.

8 По мнению Н.Петро, наблюдающаяся в Новгородской области (после последних выборов губернатора она отнесена нами к группе наиболее авторитарных режимов — 111) активность органов и глав местного самоуправления поможет ей накопить социальный капитал и перейти к более высокому уровню полиархии [Petro (forthcoming)].

9 Уже на данном этапе в одних случаях (Курская область и Приморский край) приведение региональных конституций и уставов в соответствие с общефедеральными нормами привело к росту формальной власти legislatures, а в других (Карелия и Удмуртия) — к ее сокращению.

?		
?	?	?

Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации

А.С. Кузьмин, Н.Дж. Мелвин, В.Д. Нечаев

Кузьмин Алексей Сергеевич, доктор философских наук, зам. директора Международного института гуманитарно-политических исследований;

Мелвин Нил Дж., доцент Лидского университета (Великобритания);

Нечаев Владимир Дмитриевич, кандидат политических наук, доцент кафедры экономики Курского государственного педагогического университета.

Проблема демократизации России, как правило, рассматривается в литературе через призму политических процессов, происходящих на общенациональном уровне. В то же время появление в конце 1980-х годов 89 субъектов РФ как отдельных политических акторов обуславливает важность нового — субнационального, регионального — подхода к данной проблеме. Такой подход, по нашему убеждению, может быть весьма плодотворным для выяснения природы и источников демократизации в посткоммунистических государствах.

В предлагаемой статье выявляются особенности региональных политических режимов в России, описывается применяемая авторами методика оценки природы указанных режимов, на ее основе идентифицируются их типы, а также анализируются динамика режимов, связи между типом режима и иными характеристиками политического развития региона [1](#).

Федерализм и демократизация

Ряд современных авторов считает, что институт федерализма важен для консолидации демократии [см., напр. Diamond 1999: 151-154], другие придерживаются в этом вопросе более нейтральной позиции [Stepan 1999]. Но значимость регионального измерения для политического будущего стран, подобных России, признает большинство исследователей. О тесной взаимосвязи между демократизацией и федеративным устройством свидетельствует и осуществляемая в России с 2000 г. реформа федеративных отношений. Многие ее комментаторы обоснованно отмечают, что наряду с “олигархами” (и, шире, деловыми лидерами) региональные элиты представляли (и в какой-то мере представляют до сих пор) главные альтернативные по отношению к Президенту центры власти в России.

В последние годы изучение отношений между Центром и регионами РФ стало напоминать быстро развивающуюся хозяйственную отрасль — такое количество докладов, конференций и публикаций посвящено этой теме. Долгое время дебаты концентрировались вокруг вопроса о взаимосвязи между структурой Федерации, политической стабильностью и демократизацией. Некоторые исследователи, опиравшиеся на известную работу У.Райкера [Riker 1964], видели источник неустойчивости Российской Федерации в ее асимметричной структуре [Solnic 1996] и утверждали, что такая структура стимулировала “торг” регионов с Центром по поводу своих прав и полномочий, а это, в свою очередь, вело к дестабилизации и дальнейшему усилению асимметрии. Данный тезис, однако, оспаривался двумя группами ученых: теми, кто утверждал, что РФ сохранилась именно благодаря своему асимметричному характеру, ибо указанный “торг” наилучшим образом обеспечивал баланс сил и интересов в условиях этнической разнородности страны, и теми, кто говорил о значимой роли асимметрии в других современных федеративных системах [см. Hughes 1997; Stepan 1999].

В центре внимания ряда исследователей оказалось соотношение между территориальным распределением власти и экономическим развитием, в частности вопрос о том, как те или иные формы федерализма сказываются на состоянии экономики [см., напр. Slider 1997; Tresiman 1999]. Вместе с тем значительную часть ученых занимают более общие вопросы, такие как природа федерализма в России и взаимодействие между Центром и регионами; в некоторых работах проанализирована политическая ситуация на уровне субъектов РФ. Появились и сравнительные исследования региональных политических систем, хотя малый

объем выборки нередко делает обобщения авторов таких исследований сомнительными [Stoner-Weiss 1997]. Тем не менее эти работы позволяют предположить, что помимо отношений по линии “Центр — регионы” и структуры Федерации на процесс демократизации оказывают влияние и факторы, связанные с трансформацией региональных политических режимов.

Возникновение в России в течение одного десятилетия множества региональных политических режимов [2](#) удивительно. Ведь одной из отличительных черт советского строя было как раз единообразие политических структур, действовавших в рамках различных административно-территориальных единиц. Подобная “стандартизация” была присуща и РСФСР, где, несмотря на федеральное устройство, все области (республики, края) управлялись практически идентичными партийными и государственными органами. Поэтому появление разных региональных политических режимов свидетельствует не только о важной роли регионов России в общенациональном процессе демократизации, но и о том, что характер и источники регионального политического развития могут существенно варьировать.

Определение форм политического развития регионов России — задача сложная как в практическом, так и в теоретическом плане. Одна из главных трудностей — выбор адекватной концепции “демократии” и, соответственно, “демократизации”. Работ по данной проблематике немало, однако отсутствует теоретический консенсус относительно применимости в эмпирических исследованиях различных трактовок и концепций демократии.

С точки зрения сторонников так наз. “минималистской” концепции, страны (или региональные политические системы) могут быть либо демократическими, либо недемократическими [см. Alvarez et al 1996: 21]. Другие политологи приводят доводы в пользу “градуированных” подходов, утверждая, что “демократия — это всегда вопрос степени” [Bollen, Jackman 1989: 612, 618; Гельман и др. 2000]. Так, С.Хантингтон, который в работе о “третьей волне” трактовал демократию как дихотомию [Huntington 1991: 12], позднее пришел к заключению, что, поскольку формальные демократические учреждения принимаются все более разнообразными обществами, сама демократия становится более дифференцированной. Отмечая необходимость конструирования континуума “демократический — недемократический”, ученый указывал, что значительное число стран окажется где-то в центре такого континуума. Аналогичные выводы делает и Л.Даймонд, который полагает, что анализ сдвига к формальной электоральной демократии будет “плодотворнее, если рассматривать демократию как спектр с широким рангом вариаций и форм”. В своем недавнем исследовании Даймонд показал, что за период между 1990 и 1997 г. число стран с “промежуточными” формами демократии в мире удвоилось [Diamond 1999: 27-28].

Чтобы использовать преимущества обоих подходов, Д.Коллиер и Р.Адкок попытались наметить “средний путь”, включающий как минималистские [3](#), так и градуированные оценки, к которым предлагалось прибегать в зависимости от конкретного объекта анализа [Collier, Adcock 1999]. Именно от этой модели мы и отталкивались в данной статье. Вместе с тем, поскольку градуированный подход представлялся нам более адекватным поставленной в ней исследовательской задаче, для идентификации типов (паттернов) политического развития российских регионов применялся ряд эмпирически фиксируемых шкал.

Принципы типологизации региональных режимов

При определении характера и источников демократизации на региональном уровне мы использовали метод, восходящий к предложенной Р.Далем концепции полиархии [Dahl 1971, 1989; см. также Coppedge, Reinicke 1990], в которой фокусируется внимание на политической конкуренции между правительством и оппозицией. В качестве инструмента анализа ученый использует гипотетический континуум имеющихся у оппозиции возможностей состязаться с правительством. Концепт полиархии включает два существенных измерения: возможности оппозиции (проявляющиеся в организованном соревновании посредством регулярных, свободных и справедливых выборов) и возможности политического участия (выражающиеся через активное и пассивное избирательное право взрослого населения). Представленные ниже регионы России были классифицированы в соответствии со схемой, учитывающей и процедурные (конкурентность), и субстанциональные (институты) политические практики. Возникшая в результате типология позволяет создать индикаторы для оценки степени “полиархичности” режима, сложившегося в регионе.

Выборка включает в себя 31 российский регион, которые выделены исходя из их социально-экономической структуры [4](#). Эмпирический материал для оценки паттернов и динамики политического развития регионов был собран в соответствии с тремя ключевыми элементами полиархии: формально-правовым

распределением власти, институтами конкурентных выборов и степенью политического участия партий в региональных органах власти. Простая двоичная схема классификации применялась таким образом, чтобы обеспечить законченное в пределах заявленной типологии описание политического режима в каждом из регионов.

В качестве допущения было принято, что при советской системе (т.е. до середины 1980-х) региональные политические режимы являлись одинаковыми по институциональному дизайну и ресурсам. Значит, типы данных режимов зависят от того, как местные институты изменялись в ответ на политические инновации, имевшие место в позднесоветский и ранний постсоветский периоды. После этого начального инновационного импульса (также, по сути, схожего для всех регионов) дальнейшее развитие на региональном уровне отражало прежде всего внутрорегиональную политическую динамику. Хронологические рамки нашего исследования: с декабря 1993 г. (принятие Конституции РФ) и до второго цикла региональных выборов, включавшего избрание главы исполнительной власти и региональной легислатуры (окончание анализируемого периода — 2000 г., с незначительными отклонениями для разных регионов).

Формально-правовое разделение властей. Ключевой индикатор политического развития каждого региона в означенный период — формальное разделение полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти. Эти “правила игры” были зафиксированы в конституциях республик и в уставах краев, областей, городов федерального значения в 1993 — 1994 гг., после вступления в силу новой Конституции РФ. Сравнительный политико-правовой анализ основных законов субъектов Федерации, принятых (или существенно измененных) в 1993 — 1997 гг., выявляет серьезные различия в формальной организации власти в регионах 5.

Конституции и уставы стали тем фундаментом, на котором выстраивались другие региональные политические институты. В целом указанные акты создали базу для распределения полномочий между законодательной и исполнительной властью региона. Чтобы оценить характер разделения власти, степень автономии/зависимости легислатуры от администрации, нами использовалась методика, разработанная М.Шугартом и Дж.Кэри для анализа форм правления на общегосударственном уровне и адаптированная применительно к анализу субнациональных государственно-территориальных единиц [см. Shugart, Carey 1992].

Конституция/устав каждого региона из выборки были проанализированы с применением шкалы полномочий легислатуры, которая обеспечивает учет различных аспектов взаимодействия законодательной и исполнительной власти региона (участие в формировании другой ветви власти, возможности инициирования досрочного прекращения ее полномочий, применения права вето и др.). В итоге региональные политические системы были ранжированы по этому критерию и разделены на две большие группы. Регионы с легислатурой, получившей менее 10 пунктов по названной шкале, мы относили к субъектам со “слабыми” легислатурами (они обозначались цифрой “1”), а регионы с рейтингом свыше 10 пунктов — к субъектам с “сильными” легислатурами (обозначались цифрой “2”).

Конкурентность выборов. Второй индикатор “полиархичности” региона — степень конкурентности при выборах главы исполнительной власти. После передачи федеральным центром обширных полномочий на региональный уровень указанный пост приобрел ключевое значение. Следовательно, по тому, насколько конкурентными были выборы его обладателя, можно судить о характере распределения властных ресурсов между различными региональными группами. При оценке конкурентности выборов использовался метод, предложенный Р.Таагеперой и М.Шугартом (расчет количества эффективных партий или кандидатов на выборах) 6. После проведения таких расчетов регионы с низкими уровнями конкуренции на выборах главы исполнительной власти были обозначены в типологии цифрой “1”, а регионы с высоким уровнем конкуренции за этот пост — цифрой “2”.

Уровень партийности регионального законодательного органа. Уровень развития партий в регионах является, вероятно, одним из наиболее важных индикаторов типа политического режима. Партийность регионального законодательного органа оценивалась как отношение числа партийных (состоящих в партиях или официально выдвинутых ими) депутатов в законодательном органе к общему числу мест в легислатуре, а также исходя из количества эффективных партий в региональном парламенте. Если доля партийных депутатов в парламенте не превышала 50%, региону присваивался индекс “1” (беспартийный законодательный орган); если больше 50% депутатов были связаны с одной партией или устойчивым блоком

партий, — “2 (I)” (однопартийный парламент); если свыше 50% депутатов могли считаться партийными, но представляли при этом разные (конкурирующие между собой) партии или блоки, — “2 (II)” (многопартийный законодательный орган).

На основе комбинации этих трех элементов (сила легислатуры, конкурентность выборов главы исполнительной власти и партийность легислатуры) были выявлены восемь потенциальных типов регионов, причем регионы с высокой партийностью легислатур, в свою очередь, распадались на два подтипа — однопартийные и многопартийные. Итого, с учетом подтипов по критерию партийности, было обнаружено 12 возможных разновидностей региональных режимов (см. табл. 1).

Таблица 1

Типология потенциальных типов региональных политических режимов в РФ

Сила легислатуры	Конкурентность выборов главы исполнительной власти	Уровень партийности и число эффективных партий в легислатуре
1	1	1
1	1	2 (I)
1	1	2 (II)
1	2	1
1	2	2 (I)
1	2	2 (II)
2	1	1
2	1	2 (I)
2	1	2 (II)
2	2	1
2	2	2 (I)
2	2	2 (II)

Важно отметить, что эти индексы типов региональных режимов по сути статичны. Они отражают корреляцию характеристик распределения власти и возможностей организованного политического участия на протяжении ограниченного отрезка времени. Для того чтобы оценить политическую динамику каждого из региональных режимов, необходимо провести ряд последовательных выборок информации, т.е. вывести значение указанных характеристик для более продолжительного периода. В рамках данного исследования удалось собрать информацию только для двух политических циклов: с 1993 по 1996 гг., когда были приняты или существенно изменены уставы и конституции регионов, а также прошли первые региональные парламентские и губернаторские выборы, и с 1996 по 2000 гг., когда в большинстве регионов состоялись выборы вторых составов легислатур и вторые выборы главы исполнительной власти. Тем не менее даже анализ названных двух циклов позволяет определить направление политической динамики для большинства изученных регионов.

Типы региональных режимов

Региональные режимы первого цикла

Описанный выше метод типологизации региональных политических режимов, как уже говорилось, позволил выделить 12 их потенциальных типов и подтипов, но в результате эмпирического исследования характеристик регионов, попавших в выборку, удалось выявить только восемь разновидностей региональных политических режимов, сформировавшихся в первом политическом цикле (см. табл. 2).

Таблица 2

Средние значения политических характеристик для различных типов режимов в рамках первого цикла

Тип режима	Сила легислатуры	Количество эффективных кандидатов на выборах главы исполнительной власти	Партийность первой легислатуры (в %)
I	9,35	1,82	19,5%
II	6,7	2,5	9,6%
III (I)	6,1	1,8	66,2%
III (II)	7,5	2,5	66,5%
IV	14,2	1,8	14,6%
V	11,2	2,9*	18,6%
VI (I)	12,5	3,7	53,3%
VI (II) (Челябинск)	14,25	2,83	80%

* Средняя цифра вычислена без учета Карачаево-Черкесии и Удмуртии, где выборы главы исполнительной власти не носили прямого характера.

Тип I — 111. Данный тип режима, зафиксированный в двух дальневосточных регионах из нашей выборки (в Хабаровском и Приморском краях), отличается относительно слабой легислатурой (ниже 10 пунктов по шкале силы), сильным лидером, которому не было серьезной альтернативы на выборах (меньше двух эффективных кандидатов) и сравнительно низкой долей партийных депутатов в региональной легислатуре (менее 40%).

Тип II — 121. Этот тип режима в рамках первого политического цикла был отмечен в Астраханской, Ивановской, Костромской, Курской, Новгородской, Омской и Ростовской областях. Здесь оказались слабые легислатуры с низким, а иногда — и нулевым уровнем партийности, но на выборах глав исполнительной власти наблюдалась довольно высокая конкуренция между кандидатами (больше двух эффективных кандидатов).

Тип III — 122. Указанный тип режима имеет два подтипа. Для Краснодарского края и Владимирской области — 122 (I) — в первом политическом цикле были характерны слабая легислатура с высокой долей депутатов, принадлежавших к одной партии или партийной коалиции (к КПРФ или партии, организованной губернатором) и умеренная конкуренция за пост главы исполнительной власти. Ко второму подтипу — 122 (II) — относились Самарская и Томская области, где большинство в парламентах составляли партийные депутаты, представлявшие разные партии или партийные коалиции (помимо КПРФ здесь была некая региональная партия).

Тип IV — 211. Данная группа регионов, в которую в первом цикле входили республики Карелия, Коми, Татарстан и Саха (Якутия), примечательна наличием сильной по конституционным полномочиям легислатуры. Региональный парламент формально обладает широкими полномочиями, вместе с тем незначительный уровень конкуренции при выборах главы исполнительной власти свидетельствует о неформальном политическом доминировании исполнительной власти. Регионам такого типа присущ относительно невысокий уровень партийности легислатур.

Тип V — 221. При этом типе режима, действовавшем в ходе первого цикла в Карачаево-Черкесии, Удмуртии, а также в Белгородской, Воронежской, Курганской, Мурманской, Орловской, Псковской и Смоленской областях, парламент наделен значительными формальными полномочиями, а выборы губернатора проходят в жестко конкурентных условиях. В такой ситуации сила легислатуры часто оказывается высокой не только формально, но и реально. Чтобы удерживать свои позиции, главам исполнительной власти приходится полагаться на внутриэлитные соглашения, однако такие соглашения неустойчивы и часто нарушаются в ходе выборов.

Тип VI — 222. Последняя группа состоит из двух подтипов. Республику Адыгею, Амурскую и Кемеровскую области мы определили как подтип 222 (I), который отличается не только формально сильными полномочиями легислатуры, значимой конкуренцией на выборах главы исполнительной власти, но и высокой долей депутатов, принадлежащих к одной партии или коалиции партий (обычно КПРФ), в региональном парламенте. Другой подтип — 222 (II) — был представлен в первом цикле только одним регионом — Челябинской областью, где большинство в региональном парламенте составляли партийные депутаты, входившие в разные партии или коалиции.

Динамика региональных режимов

В целях выявления динамики региональных режимов описанная выше процедура была повторена для тех же субъектов РФ во втором электоральном цикле (1996 — 2000 гг.) [7](#). В результате были обнаружены два новых типа режимов (см. табл. 3).

Тип VII — 112 (I). Во втором цикле Краснодарский край переместился из типа 122 (I) в тип 112 (I), который характеризуется неформальным доминированием “первого лица”. Губернатор, не пользовавшийся высокой поддержкой со стороны региональной элиты (Егоров), был замещен харизматическим лидером (Кондратенко), партия которого преобладала в региональном парламенте. Формальная слабость legislatures при этом сочеталась с широтой полномочий главы исполнительной власти, а губернаторская партия (“Отечество”) контролировала большинство мест в региональном законодательном органе.

Тип VIII — 212 (I). Другой тип режима, появившийся во втором цикле развития, тоже представлен единственным регионом — Кемеровской областью. Она переместилась из типа 222 (I) в тип 212 (I) с формально сильным законодательным органом, низким уровнем конкуренции при выборах главы исполнительной власти (абсолютное преобладание одного из кандидатов) и высокой долей депутатов от одной партии в законодательном органе. Как и в предыдущем случае, изменение типа было обусловлено переходом от фазы внутриэлитного соревнования к доминированию харизматического лидера (Тулеев), ставшего главой исполнительной власти после того, как ориентирующаяся на него партия обеспечила себе абсолютное большинство в региональном парламенте. За исключением формальной силы legislatures (которую не следует принимать в расчет, поскольку ее деятельность контролировалась губернатором через партию власти), типы 112 (I) и 212 (I) очень близки и могут рассматриваться в качестве двух разновидностей одного типа режима, отличительными чертами которого выступают доминирование харизматического главы исполнительной власти и существование механизмов партийного контроля исполнительной власти над законодательной (см. табл. 3).

Кластеры регионов, идентифицированные выше, дают основания говорить о наличии паттернов развития в РФ региональных политических режимов. Кроме того, выявленные типы режимов позволяют создать шкалу для определения степени “полиархичности” отдельных регионов. С нашей точки зрения, наиболее “полиархичны” регионы с режимом 222 (II); за ними следуют регионы с режимом 221. Регионы типа 222 (I) могут занять на указанной шкале высокую позицию, если доминирующая в законодательном органе партия не является местной “партией власти”. Дальше всего от полиархии режимы 111 и 112 (I), а также 211, так как в его рамках реальная власть, несмотря на широкие формальные полномочия legislatures, фактически сосредоточена в руках главы исполнительной власти, вокруг которого консолидируется региональная элита. Промежуточное положение занимают типы 121 и 122.

Таблица 3

Динамика региональных политических режимов

	Регионы со слабой легислатурой						Регионы с сильной легислатурой					
	111	112 (I)	112 (II)	121	122 (I)	122 (II)	211	212 (I)	212 (II)	221	222 (I)	222 (II)
I фаза (с 1994 г. по выборам 2003 г.) наименование региона (для однопартийного режима и выборам 2003 г.) наименование региона	Приморский край			Алтайский, Иркутский, Костромской, Кузнецкий, Новгородский, Свердловский, Ростовский область	Краснодарский край	Самарская, Татарстанская область	Карелия, Коми, Татарстан, Тува, Якутия			Карачаево- Черкесия, Удмуртия, Башкирия, Брянская, Воронежская, Курганская, Магнитогорская, Оренбургская, Псковская, Смоленская область	Адыгея, Архангельская область	Челябинская область
II фаза (с 2003 г. по выборам 2007 г.) наименование региона (для однопартийного режима и выборам 2007 г.) наименование региона	Хабаровский край	Красно- дарский край		Брянская, Иркутский, Костромской, Кузнецкий, Свердловский, Ростовский, Самарская область		Коми, Татарстан, Тува, Оренбургская, Мурманская область	Башкирия область			Карачаево- Черкесия, Якутия, Башкирия, Воронежская, Курганская, Псковская, Смоленская, Челябинская область	Адыгея, Архангельская область	Карелия, Удмуртия

На этой стадии анализа трудно с уверенностью соотнести изученные регионы с определенными моделями демократизации, т.е. представленные в табл. 3 данные не могут рассматриваться как окончательная идентификация паттернов регионального политического развития РФ. На это есть по крайней мере три причины. Во-первых, формальный характер материалов, использованных в исследовании, не отражает всей сложности региональных реалий. Во-вторых, вследствие ограниченного числа пройденных циклов динамика политического развития на региональном уровне еще не устоялась, и с течением времени регионы способны изменить свое положение в предложенной матрице [8](#). В-третьих, на политическое развитие российских регионов все более сильное влияние оказывают импульсы из Центра. Президент РФ и федеральные органы власти добиваются от регионов приведения их законодательства в соответствие с общероссийским, содействуя тем самым унификации институциональных основ региональных режимов, и все активнее вмешиваются в избирательный процесс на местах. “Внешнее” воздействие может существенным образом повлиять на динамику рассматриваемых режимов в будущем, как помогая, так и препятствуя укоренению в них элементов полиархии [9](#).

Политическое развитие и региональные режимы

Комплекс полученных данных относительно типов режимов и их динамики дает возможность — при отмеченных ограничениях — исследовать некоторые ключевые вопросы демократизации на региональном уровне.

Конституционный статус региона и тип его политического режима

Существует мнение, что обширные полномочия руководителей республик РФ являются основным источником неустойчивости федеративной структуры. Большинство республик из нашей выборки в первом политическом цикле образовывали отдельную группу, характеризовавшуюся низким уровнем конкуренции за пост главы исполнительной власти. Однако в трех республиках (Адыгея, Карачаево-Черкесия и Удмуртия) выборы были конкурентными. В дальнейшем в состав второй группы вошли Якутия и Карелия. Таким образом, устойчивой корреляции между конституционным статусом республики и неформальным доминированием в ней главы исполнительной власти не обнаруживается. Обращает на себя внимание и то, что все без исключения республики пришли к конституционному устройству с сильной легислатурой.

Напротив, края, включенные в нашу выборку (Краснодарский, Приморский и Хабаровский), предпочли вариант слабой легислатуры. Кроме того, во втором политическом цикле все они демонстрировали низкий уровень конкуренции на выборах главы исполнительной власти. Поэтому тезис о том, что “республики бросают вызов процессу демократизации в России”, довольно сомнителен. Политические режимы краев, а не республик устойчиво получали в нашем исследовании наименьшие баллы по шкале полиархии.

В отличие от тех и других, области продемонстрировали высокую степень диверсификации режимных типов. Из 20 рассмотренных областей в 10 сложились режимы со слабой легислатурой, а в оставшихся 10 — с сильной. Таким образом, статус области никак не повлиял на выбор типа режима.

Устойчивость типа

Под устойчивостью типа понимается сохранение региональной политической системой формы реакции на инновации при смене электоральной фазы (очередные выборы главы исполнительной власти и выборы в законодательное собрание). Наиболее неустойчивыми оказались режимы 122 (I), 122 (II) и 222 (II). После смены фаз первые два исчезли, а внутри третьего типа произошла “рокировка”: Челябинская область покинула его, а Карелия и Удмуртия, напротив, вошли. Наибольшую устойчивость продемонстрировали режимы типа 121 (в его рамках остались пять из семи регионов) и 221 (семь из девяти). Следует отметить, что это самые распространенные модели. Сложно говорить об устойчивости типов 111 и 211. В первом случае после смены фаз от прежнего типа отпал один из двух регионов (Приморский край) и присоединились Новгородская, Томская и на некоторое время Курская области. Вместе с тем, хотя в Приморском крае во время вторых губернаторских выборов уровень конкурентности превысил два балла, разница между этим показателем на первых (1,98) и вторых (2,16) выборах весьма незначительна. Таким образом, уровень конкурентности в Приморском крае за четыре года не очень изменился, что тоже свидетельствует в пользу устойчивости режима 111. Что же касается режима 211, то принадлежность к нему сохранили три из пяти регионов (хотя в Якутии действующий президент лидировал на выборах).

Динамика партийности

Рассмотрим отношение между типом режима в первой фазе и динамикой партийности между двумя фазами.

Тип 111. Уровень партийности легислатуры практически не изменился — в Приморье он поднялся с 3% до 5%, а в Хабаровском крае — опустился с 36% до 35%.

Тип 121. В четырех случаях из семи показатель партийности заметно вырос, хотя это не привело к смене типа по третьему критерию (т.е. партийность не превысила 50%), в двух — остался прежним, в одном — уменьшился. При этом в пяти регионах во второй легислатуре образовалась приблизительно равная доля партийных депутатов — от 20 до 33% (в четырех случаях — от 28 до 33%).

Тип 121 (I). В одном регионе (Краснодарский край) “партизация” депутатов усилилась — с 80 до 92%, в другом (Владимирская область) сократилась — с 52 до 27%.

Тип 122 (II). В обоих случаях имело место резкое снижение партийности между фазами, что привело к смене типа 122 (II) на тип 121.

Тип 211. В двух из пяти регионов выборы вторых легислатур не проходили. В трех других наблюдались противоречивые тенденции в динамике партийности: в Коми и Якутии партийность осталась на очень низком уровне (не более 10%), в Карелии — значительно возросла.

Тип 221. В пяти из девяти случаев наблюдался заметный рост партийности легислатур, хотя это привело к смене типа только в Удмуртии (в Белгородской и Смоленской областях данный показатель приблизился к 40%), в трех ее уровень остался прежним, в одном (Карачаево-Черкесия) выборы второго состава легислатуры не проводились.

Тип 222 (I). В двух случаях из трех уровень партийности практически не изменился, в одном (Адыгея) после 1994 г. легислатура не переизбиралась.

Тип 222 (II). Уровень партийности легислатуры снизился.

Сменяемость власти

Попытаемся теперь оценить сменяемость власти в рамках каждого типа в динамике.

Тип 111. Главы исполнительной власти сохранили свои посты.

Тип 121. В пяти из семи регионов главы исполнительной власти были переизбраны на новый срок.

Тип 122 (I). Главы исполнительной власти проиграли вторые выборы.

Тип 122 (II). В ходе вторых выборов главы исполнительной власти подтвердили свои полномочия.

Тип 211. В четырех регионах из пяти главы исполнительной власти удержались на своих постах.

Тип 221. В семи из девяти случаев главы исполнительной власти были смещены.

Тип 222 (I). В двух случаях из трех произошла смена глав исполнительной власти.

Тип 222 (II). В Челябинской области был избран другой глава исполнительной власти.

Заключение

Несмотря на огромный интерес отечественных и зарубежных авторов к проблемам российского федерализма, паттерны регионального политического развития пока остаются слабо изученными. Дефицит систематических исследований в этой области в какой-то степени обусловлен трудностями их проведения, связанными прежде всего со сбором первичных и нехваткой структурированных вторичных данных, а также с неразвитостью методологии сравнительных политических исследований на региональном уровне. Представляется, что метод первичной типологизации паттернов политического развития российских регионов, предложенный в данной статье, в какой-то степени пополнит научный инструментарий.

Наше исследование носит предварительный характер, но в ходе него получены интересные результаты. Анализ региональных режимов в России продемонстрировал широкое разнообразие институциональных форм и, что не менее важно, наличие разнородных и часто противоречащих друг другу “троп” политического развития. Быстрая “плюрализация” региональных режимов говорит о том, что процессы политических изменений в России еще более сложны, чем думалось совсем недавно.

Хотя наша работа охватывает всего два электоральных цикла, она позволяет сделать вывод об относительно высокой устойчивости региональных политических режимов. Действительно, в 20 случаях из 31 главные черты режима сохранились при смене фаз, т.е. в разных электоральных циклах. Это дает основание предположить, что к середине 1990-х годов контуры политической жизни регионов России уже оформились. Дополнительным подтверждением тому служит устойчивость характеристик, не включенных в основания типологизации, например, ротации глав исполнительной власти.

Более глубокий анализ формально-институциональных основ региональных режимов тоже приводит к неординарным заключениям. Примечательно, что все республики РФ выбрали вариант конституции с сильной легислатурой. Объясняется это, по-видимому, тем, что в большинстве случаев при подготовке новой конституции они отталкивались от “старой”, советской, и лишь ее модифицировали. Другими словами, республики проявили склонность к инкрементному типу развития формальных институтов, что, на наш взгляд, может быть связано с высоким уровнем региональной идентичности в республиканских сообществах. Все они, начиная с 1989 — 1990 гг., стали строить свою государственность самостоятельно, и потому переворот 1993 г. не оказал на них такого влияния, как на другие типы регионов.

Напротив, в краях произошел резкий разрыв с советским институциональным дизайном. Везде были приняты уставы, предусматривающие слабые позиции законодательных органов и сильные — губернаторов. Во всех краях установились режимы с неформальным доминированием избранных глав исполнительной власти. Иначе говоря, возникла еще более централизованная модель власти, чем на уровне РФ. Найти удовлетворительное объяснение такой институциональной специфики краев нам не удалось. Одна из гипотез — воздействие особенностей самоидентификации их населения, которые, в свою очередь, могут зависеть от геополитического положения краев (“бастионы России”). Централизацию в данном случае следовало бы понимать как способ мобилизации региональной общности в условиях пограничного положения и связанных с ним проблем (плохие коммуникации, наличие внешних границ, миграционный наплыв представителей иных этнических групп и т.д.). Высокий уровень краевой самоидентификации может породить эффект харизматического лидера (персонификация группы в лидере). Однако подобные объяснения нуждаются в дополнительных подтверждениях.

В областях РФ были приняты уставы, допускающие наличие как слабой, так и сильной легислатур, но в большинстве регионов глава исполнительной власти не являлся единственным лидером. Если это происходило (например, в Курской и Кемеровской областях), то в исключительных случаях, и было связано с персональными характеристиками “первых лиц” (политики федерального уровня), которым удалось на короткое (как в Курской области) или на продолжительное время (как в Кемеровской) создать коалиции, способные консолидировать ранее разделенные региональные элиты. Эти коалиции и стали основой для установления сильной, персонифицированной власти губернатора.

Показательно, что в регионах со слабыми легислатурами сменились лишь 4 из 13 глав исполнительной власти, тогда как в регионах с легислатурой сильной — 11 из 18. При этом, если исключить тип 211 как особый случай, в 10 из 13 регионов отмечается демократическая смена власти.

Очевидно, что сила легислатуры — одна из предпосылок ее “партийности”. В регионах со слабой легислатурой лишь в одном случае из четырех удалось сохранить высокий уровень партийности легислатур при смене фаз, в то время как в регионах с сильной легислатурой — в четырех из пяти (причем место Челябинской области в данной группе “заняли” Карелия и Удмуртия, где легислатуры тоже были сильны).

Несмотря на свой предварительный характер, проведенное исследование позволяет сделать и некоторые выводы относительно значимости субнационального уровня в развитии в России процессов демократизации. Речь идет, в частности, о более полном освещении той роли, которую сыграли в этих процессах республики. В свое время именно республики бросили вызов национальному единству России, однако их отношение к демократизации неоднозначно. Если в одних республиках во второй половине 1990-х годов появились отчетливые тенденции к формированию авторитарных режимов, то для других, напротив, был характерен высокий уровень полиархии. Если и есть какая-то зависимость между конституционным статусом региона и развитием в нем процессов демократизации в 1990-е годы, то ее можно выявить на примере не республик, а краев. В последних в конечном итоге установились моноцентричные низкоконкурентные (т.е. по сути близкие к авторитарным) политические режимы. Анализ выборки регионов показал также, что наиболее важный индикатор развития полиархии — формальная сила региональной легислатуры.

Сформулированные здесь выводы не претендуют, разумеется, на то, чтобы стать последовательной теорией дивергенции региональных политических режимов в России. Скорее это набор гипотез, выдвинутых на основе эмпирического изучения регионов и систематизации полученных данных.

Остановимся на некоторых методологических аспектах нашей работы. В исследованиях по сравнительной политологии ключевой, как известно, является задача обеспечения репрезентативности выборки сопоставляемых объектов. Один из путей ее решения, на наш взгляд, — проведение типологических (классификационных) исследований, подобных представленному выше, т.е. исследований, базирующихся на относительно простой модели, которая “стыкуется” с дальнейшим теоретическим анализом. Для такого анализа могут применяться и “бинарно-классификационный”, и другие классификационные методы. Более того, с целью проверки адекватности как используемых для типологии теоретических представлений, так и самих классификационных процедур эти методы целесообразно сочетать. Также допустимо сокращать объем выборки примерно до трети объема генеральной совокупности. Однако при этом необходима верификация типологии путем включения в выборочную совокупность “дополнительных случаев” и, что еще важнее, рассмотрения согласующихся с общим “духом” теоретической модели, но изъятых из нее на этапе классификации содержательных индикаторов и индикативных направлений. Если дополнительные случаи органично вписываются в построенную типологию, а привлечение добавочных индикаторов не нарушает ее самосогласованности, есть основания говорить о том, что данная классификация является строгой, иначе говоря, отражает реально различающиеся случаи, а любой не вошедший в начальную выборку случай по содержательному признаку может быть отнесен к тому или иному типу.

На втором этапе следует провести углубленное сравнительное исследование относительно небольшого числа случаев, представляющих каждый из выделенных на первом этапе типов, причем в пределах типа выбрать как минимум два случая по критерию наибольшего сходства и по критерию наибольших различий. При этом к объяснению допускаются только те теоретические модели, которые обобщают базовую модель, ибо нет никаких гарантий, что в рамках принципиально иного теоретического подхода будут соблюдены критерии максимального сходства и максимального различия. Подобное сужение поля возможных теоретических моделей, тем не менее, не кажется нам критическим: простота и содержательная “бедность” используемых на этапе типологизации теоретических моделей означает высокую степень их абстрактности.

Благодаря этому открывается широкое поле для возможных конкретизаций (углублений) и сохраняется возможность верификации и/или фальсификации самых разных теоретических моделей на этапе углубленного анализа.

Таким образом, оптимальной, на наш взгляд, будет следующая “трехэтапная” стратегия сравнительного исследования, в т.ч. регионального:

1. На основе относительно простой, но допускающей уточнения теоретической модели проводится классификация случаев (вырабатывается предварительная типология), верифицируемая случайным пополнением исходной исследуемой совокупности и/или совокупности индикаторов и гипотез.
2. Проводится углубленное сравнительное исследование небольшого числа случаев, отнесенных на первом этапе как к разным, так и к одному типу (при этом внутри типа применяется критерий наибольшего сходства, а между типами — наибольшего различия).
3. К выборочной совокупности, выделенной на предыдущем этапе, добавляются несколько случаев, не включавшихся ранее в анализ, а затем верифицируются результаты, полученные на втором этапе.

Голосов Г.В. 1997. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов. — Полис, № 5.

Гельман В., Рыженков С., Бри М. (ред.) 2000. Россия регионов: трансформация политических режимов. М.

Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F., Przeworski P. 1996. Classifying Political Regimes. — Studies in Comparative International Development, № 31.

Bollen, Jackman. 1989. Democracy, Stability and Dichotomies. — American Sociological Review, № 54.

Collier D., Adcock R. 1999. Democracy and Dichotomies: A Pragmatic Approach to Choices about Concepts. — Annual Review of Political Science, № 2.

Coppedge M., Reinicke W.H. 1990. Measuring Polyarchy. — Studies of Comparative International Development, № 25.

Dahl R.A. 1971. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven.

Dahl R.A. 1989. Democracy and Its Critics. New Haven.

Diamond L. 1999. Developing Democracy: Toward Consolidation. Baltimore.

Gelman V. 1999. Regime Transition, Uncertainty Studies and Prospects for Democratization: The Politics of Russia's Regions in a Comparative Perspective. — Europe-Asia Studies, vol. 51, № 6.

Hughes J. 1997. Maintaining the Union: Bilateral Treaties and Asymmetric Federalization in Russia? — PSA Conference (April).

Huntington S.P. 1991. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman.

Petro N.N. (forthcoming). Creating Social in Russia: The Novgorod Model. — World Development.

Riker W.H. 1964. Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston.

Shugart M.S., Carey J.M. 1992. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge.

Slider D. 1997. Russia's Market Distorting Federalism. — Post-Soviet Geography and Economics. Vol. 38, № 8.

Solnick S.L. 1996. The Political of Russian Federalism. A Framework for Analysis. — Problems of Post-Communism. Vol. 42, № 8.

Stepan A. 1999. Russian Federalism in Comparative Perspective: Problems of Power Creation and Power Deflation. — AAASS, November.

Stoner-Weiss K. 1997. Local Heroes: The Political Economy of Russian Regional Governance. Princeton.

Tresiman D. 1999. After the Deluge: the Politics of Regional Crisis in Post-Soviet Russia. Cambridge.

---

1 Это исследование стало возможным благодаря гранту, предоставленному Фондом “Leverhulme Trust”.

2 В данной статье под политическим режимом понимается совокупность политических акторов, обладающих некими ресурсами и реализующих те или иные стратегии, и институтов (норм, правил игры). Впервые такое толкование политического режима (применительно к российским регионам) дано в работах В.Гельмана, С.Рыженкова и М.Бри [см. Гельман и др. 2000; Gelman 1999]. Тип регионального режима определяется, таким образом, не всеми составляющими региональной политической системы, а лишь некоторыми ее ключевыми элементами.

3 Напомним, что в соответствии с минималистским подходом государство рассматривается как единая целостность, обладающая некими характеристиками; при этом постулируется наличие четких границ, отделяющих “демократические” государства от “недемократических”.

4 Индекс “модернизации” был сконструирован для всех регионов России на основании данных об их социально-экономическом положении к концу 1980-х годов. Регионы для исследования отбирались так, чтобы репрезентировать все их группы. Выборка по “стартовому” социально-экономическому уровню должна была исключить потенциальные искажения в типологии паттернов политического развития.

5 В настоящее время в связи с принятием закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации” и осуществляемой Центром политикой по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным дифференциация форм правления на региональном уровне заметно снизилась.

6 Применительно к анализу региональных выборов в России этот метод был впервые использован Г.Голосовым [см. Голосов 1997].

7 Во время подготовки статьи были доступны не все данные по итогам выборов в региональные legislatures, поэтому выводы относительно характеристик тех или иных регионов во второй фазе могут быть впоследствии уточнены.

8 По мнению Н.Петро, наблюдающаяся в Новгородской области (после последних выборов губернатора она отнесена нами к группе наиболее авторитарных режимов — 111) активность органов и глав местного самоуправления поможет ей накопить социальный капитал и перейти к более высокому уровню полиархии [Petro (forthcoming)].

9 Уже на данном этапе в одних случаях (Курская область и Приморский край) приведение региональных конституций и уставов в соответствие с общефедеральными нормами привело к росту формальной власти legislatures, а в других (Карелия и Удмуртия) — к ее сокращению.